

1941-й

ВСТРЕЧ. подобных той, о которой собираюсь рассказать, сейчас множество, хотя они и представляются нам редкими, даже редчайшими и удивительными.

Совсем недавно, в начале нынешнего 1985 года, в служебный мой кабинет входит мужчина, к коему так и просится эпитет «солидный». Но почему-то смущается и немножко краснеет. Говорит взволнованно:

— Узнаете, товарищ младший политрук?

— Простите. Но... не узнаю. К тому же я не младший политрук, а полковник. Правда, в отставке. Но всё-таки полковник.

— Нет, — уже смелее и чуть улыбаясь говорит мой незнакомец. — В июне и июле сорок первого вы были младшим политруком, комиссаром парковой батареи Харьковского артиллерийского училища. Вот, может, теперь вспомните, — и кладет передо мной фотографию.

Долго и молча всматриваюсь в карточку, чувствуя, что дышать становится труднее. Руки сами собой ослабляют узел галстука.

— Юрка!.. Тушин!.. Неужто это ты?

— А кто же еще?! Конечно, я! А рядом наш старшина Снитин! И его позабыли!.. Меня же теперь величают Юрием Петровичем. И степень у меня есть: кандидат исторических наук. Работаю лектором Всесоюзного общества «Знание». Вот так! — и опять немножечко покраснел наш Юрий Петрович, бывший сын ежели не полка, то батареи, — все едино сын, семьею для которого в грозном сорок первом стало наше фронтовое братство.

Снимок сделан неизвестным фотографом в сентябре 1941 года в маленьком прифронтовом тогда городке Белополье Сумской области — в тех местах и пришлось мне почитать первое боевое крещение.

Родившийся на Саратовщине, войну я повстречал на Украине, служил тогда в Харьковском артиллерийском училище, переведенном почему-то в город Сумы и размещенном в бывших кадетских корпусах, где уже располагались еще два военных училища: собственно Сумское артиллерийское имени М. В. Фрунзе и пехотное. Был я тогда комиссаром парковой батареи. Если б училище именовалось пехотным, то я был бы, соответственно, политруком автороты. Так уж водится у военных.

Первые дни и ночи войны мы, командиры и политработники, не уходили домой, на свои квартиры, а неотлучно пребывали в училище с курсантами и бойцами вспомогательных подразделений. Во дворе на огромном щите висела преогромная карта, на которой синими и красными линиями обозначалась картина боевых действий там, как нам казалось, далеко на западе. С крайним удивлением, подойдя к карте поутру, мы видели, как зловещая синяя линия стремительно ползет на восток. Смотрели на эту гадючью извилистую полосу молча, не смея поднять очей друг на друга.

А дня через два-три произошло вот что.

Кто-то (непонятно, с какой целью) резко и далеко отвел эту линию назад, к границе и даже чуть-чуть дальше, красные же стрелы кое-где уже вонзались чуть ли не в Краков. Мы столпились у стенда едва ли не всем училищем. И что бы вы думали? Мы все, все до единого поверили в это сказочное превращение! И случилось это потому, что нам куда труднее было поверить в то, что немцы в первые же дни своего нашествия продвинулись так далеко на восток, чем в то, что они еще быстрее были отброшены нами на запад.

Чего тут больше? Святой нашей веры в праведность борьбы и в победоносную силу Красной Армии или самоуверенности? Думается, больше все-таки было первого. Но было, конечно, и второе: слишком долго и настойчиво нам внушали, да и сами мы были глубочайшим образом убеждены, что разгромим любого агрессора на его собственной территории. Вспомните киноленту и песню одноименную «Если завтра война...»

И все-таки ежели бы не было этой великой веры, ежели б в горчайший, принесший нам неисчислимые страдания и утраты год 1941-й нам не виделась в конечном счете Победа, иными словами говоря, не виделся бы в ликующих своих очертах победоносный Май сорок пятого года, мы могли бы и не победить. Великая наша вера в революцию, в ее завоевания, в Советскую нашу власть, наконец, — это, может быть, самое могучее стратегическое оружие, коим умело и мудро воспользовалась партия Ленина.

Июнь—декабрь сорок первого...

Сколько великих потрясений, человеческих драм вместил в себе этот совсем короткий отрезок времени! Советская Армия отходила на глазах непонимающих, удивленных и обливающихся горячими слезами людей.

«Что же это? Как же это?» — спрашивали они друг друга и не находили ответа на мучительные, жгучие, испепеляющие вопросы. Теперь-то мы знаем, а тогда?.. Сколько человеческих судеб было направлено сразу же не по тому руслу, по которому им суждено было бы идти в условиях мира, сколько жизней оборвалось либо в самом их начале, либо в полном расцвете, а сколько разбросано по белу свету!

И все-таки в нем, трагически-суровом 1941-м, надлежит искать истоки нашей Победы. И не только потому, что это было первое и самое тяжкое испытание, из коего мы вышли не побежденными, а победителями. Не только потому, что именно тогда совершился историко-психологический перелом, который по своему значению стоил более, чем десятки и даже сотни выигранных сражений.

Речь идет о кульминационном моменте, до которого потрясенный мир продолжал

еще верить в несокрушимость гитлеровской военной машины, а уже после декабря сорок первого года вера эта была решительным образом поколеблена на радость всему пострадавшему человечеству и на погибель фашистского рейха.

ВЕРНУСЬ, однако, к моменту, воскрешенному помещенной здесь фотографией. Помнится, она сделана в нелегкий для нас день. По лицам нашим не видно ни того, чтобы мы были очень уж бодренькими, ни того, чтобы очень уж пригорюнились. Маленький наш артиллерист с переключенными стволами пушек на всамделишных петличках, судя по его виду, был настроен воинственно. А ведь это было в ту пору, когда основные силы нашего Юго-Западного фронта охватыва-

Монолог о Победе

Михаил АЛЕКСЕЕВ

НАЧАЛО

лись гигантскими обручами немецких танковых армий.

В мемуарах Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна я наткнулся однажды на одно, горячо отозвавшееся в моем сердце место. Как известно, ему, тогда начальнику оперативного отдела штаба фронта, с небольшой группой штабных работников удалось вырваться из вражеского окружения. Встретился он тут лишь, как он говорит, с небольшими группами обороняющихся из отряда генерала Чеснова.

А ведь это он — о нас.

Когда немцы стали приближаться к Сумам, из трех помянутых мною военных училищ был спешно создан Отряд особого назначения под командованием начальника нашего, Харьковского, стало быть, артиллерийского училища и брошен навстречу наступающему врагу. Позже название этого соединения упростилось до двух слов — отряд Чеснова.

И отряд этот сражался. Курсанты, которые ждали выпускных экзаменов, чтобы стать лейтенантами, сражались как рядовые бойцы. И сражались отчаянно. Потом по приказу Ставки нас (к сожалению, далеко не всех, потому что многие навсегда остались на полях боев) сняли с линии фронта и отправили в глубокий тыл, в Чирчик, под Ташкентом, для того чтобы училище продолжало делать свое дело: готовить командиров для артиллерийских частей.

Да, в героико-трагическом 1941 году нам виделся победный 1945-й.

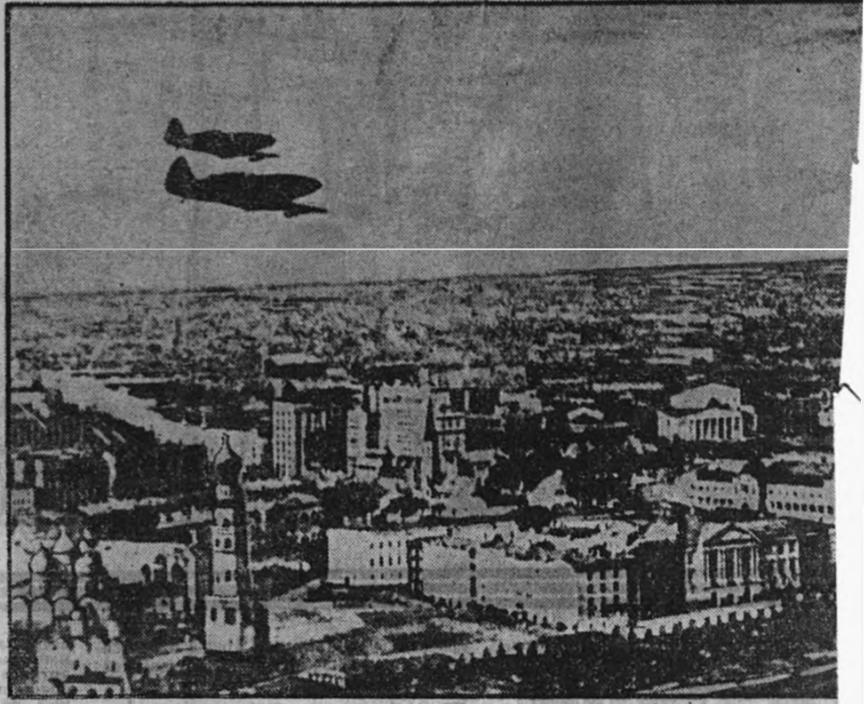
Иначе бы мы не победили.

Вот о чем думавшь прежде всего в сороковую годовщину нашей Победы.

Вот о чем, представляется мне, должен прежде всего вспомнить литератор перед тем, как начать свое повествование о тяжких, незабываемых днях Великой Отечественной. Заодно вспомнить и о том, что ярчайшие произведения, созданные на протяжении всех четырех лет войны и ставшие классическими, были явлены нам именно потому, что их творцы ни на один миг, ни в сорок первом, ни в сорок втором, ни в последующие годы не сомневались в конечном исходе кровавого побоища, иными словами говоря, в нашей, только нашей Победе.

ОНА, ЭТА грядущая Победа, мощно уже зазвучала в грозных, величественных словах «Вставай, страна огромная», услышанных во всех уголках света на второй день войны. Ее отчетливо различил, услышишь и в общем-то скорбных и печальных строчках «Ой, туманы мои, растуманы...», и в трагических сценах леоновского «Нашествия». Во все страшные блокадные дни Ленинграда звучали призывные, исполненные святой веры в победу голоса Николая Тихонова, Ольги Берггольц, Михаила Дудина. И как бы откликаясь на их мужественную песнь, из далекого степного края отозвался великий Джамбул: «Ленинградцы, дети мои!..» Исторгнутый из артезианских глубин души, голос мудреца слился с другими, такими же пронзительными, не оставляющими ни малейшего сомнения относительно исхода сражений, «Мы победим!» — не главный ли этот мотив услышал мир в величайшем музыкальном творении нашего века — Седьмой симфонии Д. Шостаковича, посвященной Ленинграду?!

По горячим следам войны, более того — внутри войны рождались художественные шедевры. Глава за главой появлялись и печатались почти во всех фронтовых

сражались...» И сказано это уже в сорок третьем, когда до сорок пятого оставалось еще около двух лет. Значит, Лопалихин и Звягинцев, а вместе с ними и М. Шолохов знали, что непременно победят!

Литература, рожденная писателями-фронтовиками, а точнее сказать, писателями времен войны, не делила эту войну по годам, ибо без каждого из них не было бы 9 мая 1945 года. Литература сражалась вместе со своими героями. Мне, политруку минометной роты, в самые тяжкие дни Сталинградской битвы не нужно было без конца заклинять своих бойцов: «Ни шагу назад!» Мне достаточно было прочесть стихотворение К. Симонова «Убей его!» — стихотворение, появившееся как раз в ту пору. Свидетельствую: оно потрясло наши солдатские души. Оптимистическая трагедия под другим именем — «Морская душа» А. Соболева была на вооружении каждого боевого корабля. Хотя и в ней было немало трагического (многие герои погибли), но мне эта книга представляется одной из самых оптимистических, даже веселых. И в ней — неизбывная вера в победу. Этой же верой продиктованы сцены, кажется, едва ли не самой суровой и жестокой драматической исповеди А. Корнейчука «Фронт». Не уверовавший до конца в неизбежность нашей победы в сорок пятом, в другом ли каком году, не мог бы в сорок втором, когда гитлеровцы рвались к Волге и на Кавказ, — не мог бы сказать в художественных образах той страшной правды, которая сродни той, каковую мы, фронтовики, услышали в конце июля того же сорок второго года в прочитанном нам приказе 227. «Фронт» пришел на фронт, чтобы сражаться.

Стало быть, речь идет не просто о литературе, а литературе воюющего народа и самой воюющей. Не молчали наши музы, когда грохотали, глаголили пушки. Но почему? Может быть, известное изречение вообще не имеет под собою почвы? Думается все-таки, что зачеркивать его преждевременно. Ведь музы действительно либо смущенно умолкают, либо звучат невыносимо фальшиво, когда государство ведет захватническую, несправедливую, в высшей степени безнравственную, антигуманную и антинародную войну. В этом случае честные художники либо глубоко погружаются в самих себя, умолкают, либо покидают страну-агрессора, эмигрируют, как это сделали, скажем, Томас Манн и Лион Фейхтвангер, покидают с тем, чтобы поднять свой честный, мужественный голос в защиту справедливости. А что осталось от «сочинений» тех немецких литераторов, которые связали свою судьбу с людоедской камарильей Адольфа Гитлера? Вот уж воистину: гений и злодейство несовместны!

В народной, освободительной, отечественной войне музы не только не молчат, но обретают еще более звонкий, порою даже набатный голос, который сливается с танко-лирическим, тихим и от этого еще более пронзительным, таким, к примеру, как в знаменитой сурковской «Землянке». И в этой исповеди сердца сообщено о том, что до тебя, любимой, бойцу «далеко-далеко... а до смерти — четыре шага».

И в этих строчках все то же: в сорок первом нам виделся Победный сорок пятый.

На снимке: Михаил АЛЕКСЕЕВ (справа). 1941 год.

и нефронтовых газетах из удивительной книги про бойца, нареченной «Василием Теркиным», этой бессмертной солдатской «Илиады»... Уже в первых строчках ее автор предупреждает нас, что будет беспощадно правдив, ибо на войне «Не прожить наверняка — без чего? Без правды сущей, правды, прямо в душу бьющей, да была б она погуце, как бы ни была горька». Убеденным в праведности смертного боя не ради славы, а ради жизни на земле, герою книги и ее создателю нечего бояться правды, в особенности тогда, когда их самих ни на миг не покидала вера в победу.

Едва завершилась Сталинградская битва, а окопный народ уже читал шолоховские главы «Они сражались за Родину». Помнится, поначалу удивило название романа: что-то уж очень оно простое, чуть ли не газетное. А позже начинаешь думать о другом, самом, может быть, удивительном. Сказано: «Они